

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

**АЛЕКСЕЙ ВЯЗОВСКИЙ
СЕРГЕЙ ЛИННИК**

**САПЕР
ВНЕДРЕНИЕ**

Москва

ГЛАВА 1

«...Тараканьи смеются усища, и сияют его голенища...» Я смотрел на Сталина и вспоминал стихотворение, которое мне на зоне рассказывал один из невольных учителей. Автора, еврея с труднопроизносимой фамилией, не то расстреляли, не то замордовали в лагерях. Там еще были слова про «широкую грудь осетина». И ничего у него не широкая грудь. Низкорослый, уставший грузин с оспинами на лице, со скрюченной рукой. Желтые прокуренные усы, равнодушные глаза. Мазнул по нам, адъютантам, взглядом, прошел в кабинет. Наши военачальники начали по одному заходить следом. Василевский, Мерцков, Жуков, Буденный...

Кирпонос, тихонько вздохнув, зашел последним.

— А что, Хрущева не будет? — поинтересовался я тихо у адъютанта Жукова, Лени Минюка. Ясноглазый высокий парень мотнул головой, приложил палец к губам:

— Не нашего ума дело. Нет его, и очень хорошо.

Хрущева в войсках не любили. Член военного совета фронта напрямую выходил на Стали-

на, стучал ему на генералов. А главное, требовал держать и не отводить войска на правом берегу Днепра.

Трагедия киевского котла, в котором сгинут сотни тысяч, становилась все ближе. И как ее предотвратить, я не представлял совершенно. Ведь генералы все понимают. Тот же Жуков уже предлагал отойти на левый берег. Все видят, как нависают на флангах немцы. Дураков нет. Вот закончится Смоленское сражение — и повернут танки Гудериана на Киев.

Но как сдать столицу Украины? О таком даже говорить вслух нельзя. Крамола.

— Какие планы? Потом обратно в Киев? — Леня поправил китель, посмотрел на наручные часы. — Может, еще успеем в «Метрополь»? Закрепить знакомство?

— А Жуков тебя отпустит? — засомневался я, разглядывая Минюка. Вот кому война нипочем. Налеты, аэростаты в небе, грохот зениток — все ерунда. Главное, успеть в кабак. Познакомились мы возле приемной Сталина, где собирались перед заходом в предбанник. Он, широко улыбаясь, представился: «Леонид! Минюк!» — и подал руку всем присутствующим.

— Наверное, нет, — взгрустнул адъютант. — Потащит в Генштаб. Там, кстати, рядом есть один ресторан, называется...

Голос Лени звучал каким-то фоном. Далеким и нереальным. Я же рассматривал дверь кабинета Сталина. Вот сейчас, собраться с духом, рвануть мимо охраны, зайти к нему и все расска-

зять. Мол, я из будущего. Дальше будет так-то и так-то.

Останавливало одно. После такого мне не жить. Или жить, но совсем в других условиях. Но как же Вера? Ее тоже пустят под «каток». Да и не только жену, там по площадям бьют. Наверняка и Пирата сактируют. Я невольно улыбнулся, вспомнив блохастика. Хоть и предал меня, поменял на Мишу-алкаша, а память оставил о себе хорошую.

«Да и поверят ли мне?» — я вернулся мысленно к разговору с самим собой.

«Кашенко» в часе езды от Кремля, а Лубянка — еще ближе. Скажут: да тебя немцы заслали, чтобы подорвать нашу оборону своими фантастическими рассказами.

Хочешь отвести войска за Днепр? Все ясно с тобой — фашистский шпион!

Рядом с дверью в кабинет прохаживался охранник, что-то вдумчиво писал Поскребышев. У него над столом висел портрет молодого Сталина в буденовке. Я так понимаю, еще времен обороны Царицына.

— Товарищи! — Поскребышев поднял взгляд, строго на нас посмотрел. — Пожалуйста, не толпитесь в приемной, пройдите в соседний кабинет.

Выпроводил адъютантов, чтобы не захламляли помещение. Мы один за другим, гуськом, покорно вышли.

— Ну что думаешь, сдадут Киев? — шепотом спросил Минюк. — Укрепрайоны-то держатся!

— Тебе минского котла мало? Слышал, там тысяч сто сгнуло... — Я прижался разгоряченным лбом к стеклу окна, закрыл глаза.

Каждый час промедления — тысяча жизней. А то и десятки.

Дальше все, словно стоворившись, замолчали. Болтать в этих кабинетах — себе дороже. Никогда не знаешь, откуда прилетит. Кто-то просто сидел, закрыв глаза, порученец Василевского что-то строчил в блокноте. Вот и я стоял, поглядывая через открытую дверь, пока не дождался наконец выхода Кирпоноса после совещания.

Тот был мрачен, лишь махнул мне рукой: мол, иди за мной.

Я наскоро попрощался с присутствующими, отдельно поручкался с Минюком, пошел на выход из здания Совнаркома. В другой ситуации я бы полюбовался парадной лестницей, залом Свердлова, видами Кремля, но не сейчас.

Молча мы залезли в «эмку», выехали с территории. Комфронта велел водителю рулить к набережной Москвы-реки. Шофер, конечно, не наш Гриша, дали нам вместе с машиной из правительственного гаража. Как только доехали, вылезли, пошли вдоль кремлевской стены. «Эмка» тихо ползла следом, пока Михаил Петрович не махнул рукой оставаться на месте.

— Я делал кое-какие записи на совещании. — Комфронта протянул мне блокнот. — Оформишь потом все на пишущей машинке. Посмотри, все понятно? А то поправим, пока еще свежо в памяти.

Разбирать каракули Кирпоноса я уже научился, да и с машинкой теперь управлялся намного лучше. Вон в цирке и медведи на велосипеде ездят. Быстро просмотрел записи — ничего особо секретного в них не было. Номера частей, которые выделялись Юго-Западному фронту, даты формирования и подвоза. Понятное дело, это для меня не особо секретные сведения: каждый день через мои руки десятки таких документов проходили. А для кого другого — так кладезь информации. Комфронта выпросил дополнительный дивизион «Катюш». Судя по всему, «шкодам», буде их вернут в рабочее состояние, придется нелегко обрабатывать укрепрайон. Ну и отлично, найдется чем вести контрбатареиную борьбу. Однако управление войсками оставляло желать лучшего, если такие вопросы приходится решать аж на уровне Сталина.

Я тяжело вздохнул, потер руками глаза.

Кирпонос мрачно зыркнул:

— Чего завздыхал? Бардаку нашему печалиться? Правильно делаешь.

— Вы мне так доверяете? А если я стучу?

— Такие, как ты, не доносят, я вашего брата знаю. Военная косточка... А если и стучишь, то хрен с ним. Расстреляют, и ладно, — махнул рукой комфронта. — Заслужили. Столько лет готовились к войне и так бездарно ее начали... Просрали все что можно. Пашка Рычагов уже арестован. Сидит на Лубянке... Павлова тоже взяли. Говорят, уже исполнили его.

— Западный фронт — самый бедовый, — согласился я, кивнув. — Только расстрелами генералов дело не спасешь...

— А чем спасешь? — горько, сам себя, спросил Кирпонос. — Все разваливается к чертям собачьим.

— В маневренной войне мы немцам не соперники. Пока не соперники.

— Это почему же?

— Связь хреновая. Да в истребительной авиации сильно отстали. С противовоздушной обороной тоже.

— Тоже мне... Америку открыл. Это тебе любая бабка на базаре расскажет перед тем, как ее заметут за пораженческие настроения.

— Вон бросили мехкорпуса навстречу Клейсту, — проигнорировал я замечание комфронта. — И что? Сколько дошло после немецких штурмовок?

— Делать-то что, стратег?! — Понятно, что Кирпонос считает наш разговор какой-то игрой, больше себя слушает. Кто же всерьез будет воспринимать советы старлея, у которого стратегического мышления ноль целых хрен десятых?

— Если брать стратегию, то играть от обороны. Умно играть. Дайте приказ войскам, особенно танковым подразделениям, действовать из-за засад. Не пробиваться в случае окружения строга на восток, а бить по железнодорожным станциям, перерезать дороги, взрывать мосты... Партизанская тактика, понимаете? Слабое место немцев — коммуникации. Если не можем в воз-

духе, надо действовать на земле. Посмотрим, как их танки будут рвать нашу оборону без бензина и дизельного топлива.

— Ну, это дельно, впрочем, обсуждалось уже. — Михаил Петрович заинтересованно посмотрел на меня. — НКВД работает над созданием отрядов диверсантов.

— Этого мало. Вы можете своей властью формировать такие подразделения. Там ничего сложного. Один снайпер, пулеметчик, радист, сапер. Плюс командир группы. Пять человек. Десять дней — боевое слаживание; грузят на себя взрывчатку, патроны — и в немецкий тыл отправляются. Даже выбрасывать не надо — фронт еще не устоялся, пройдут и так. Понятно, это людей на смерть посылать, а только что еще делать в такой ситуации?

— Снайперских винтовок мало, раций и того меньше... Ладно, подумаю. Хороший совет, Петр Николаевич. По делу. Может, и сработает.

Кирпонос помолчал, потом внимательно на меня посмотрел, поинтересовался:

— Что еще?

Ладно, раз сегодня день советов...

— Нужен дешевый штампованный автомат. ПППШ не подходит, слишком сложный, дорогой. Да и редкий он.

— Это еще зачем?

Затем, что я всю войну прошел с ППС. Отличная машинка, то, что нужно в окопах.

— Как немцы атакуют? Сначала артналет. Выбивают станковые пулеметы. С пятисот-вось-

мисот метров подключаются наши ручные пулеметы. Но их мало. Решающая дистанция — две сотни. На ней надо создать высокую плотность огня. Но как? Не из «мосинок» же...

— Короче, нам нужен аналог немецких МР. — Кирпонос уже забыл, что перед ним старлей, мои советы у него отторжения не вызывали, видать, слишком близко к его мыслям пришлись.

— Да. Делать их как можно больше. Как и минометов. Это будет основное оружие пехоты.

— А что по танкам? Ты же бился на броне у Христиновки...

— Тут тоже Америки не открою. Война долгая будет. И мы, и немцы будем наращивать толщину брони и калибры пушек. Гонка меча и щита. Необходимо уже сейчас требовать новую пушку для Т-34: с тем обрубком, что у танка есть, много не навоюешь. Пока поставят, испытывают...

Мы еще долго говорили, гуляя по пустынной набережной. Даже обед пропустили.

В какой-то момент Кирпонос спохватился, посмотрел на часы, бросился назад к машине.

— Опаздываем! Гони на Лубянку!

Вот уж не думал, что в один день увижу и Сталина, и Берия. Последний, в отличие от хозяина Кремля, был благодушен и гостеприимен. Нам налили чаю, принесли бутерброды с колбасой. Нарком молчал, пока накрывали на стол.

— Знаю вас, военных, — улыбнулся нарком. — Все в делах да заботах. Даже поесть некогда. Профессиональная болезнь — язва желудка. У чекистов, впрочем, тоже.

Грузинский акцент в голосе Берии был практически не слышен — говорил он чисто. Не так, как Чхиквадзе, тот по разговору совсем русак был, а как диктор на радио. Понятно, что русский для него неродной, слишком правильная речь. Улыбался Лаврентий Павлович тоже вроде искренне. Хотя из-под очков нет-нет да сверкнет что-то острое, опасное. Будто змея рядом притаилась и вот-вот ужалит.

Пока пили чай, я увидел на столе наркома раскрытую папку. А в ней те самые документы, что я взял с трупа эсэсовца под Шепетовкой.

— Как раз на эту тему и хотел переговорить. — Берия заметил мой взгляд, полистал бумаги. — Документы очень важные, я бы даже сказал, взрывоопасные для немцев. Мы тут с товарищами обсудили. Хотим их обнародовать.

— А мы для чего нужны? — поинтересовался Кирпонос, прихлебывая чай вприкуску с сахаром. — Петра я вам не отдам. Да и не стоит ему светить свою личность перед иностранными корреспондентами. Ведь вы и их хотите пригласить?

— Только их — пусть англичане, да и американцы, взглянут с другой стороны на монстра, которого взрастили.

— Евреев надо срочно эвакуировать из города, — не выдержал я, отложил бутерброд. — Вы же читали планы немцев насчет них.

— Значит, вы не верите, что мы удержим Киев? — тут же встрепенулся Берия, нехорошо улыбнулся.

Кирпонос чуть не поперхнулся чаем, закашлялся. Я стукнул его по спине, один раз, другой...

— Прошу не задавать таких провокационных вопросов! — твердо сказал комфронта, после того как отдышался. — У нас есть директива Ставки, город никто не сдает!

— Насчет Минска тоже много было приказов, — пожал плечами нарком. — Только некоторые военачальники их по какой-то причине не выполнили. Ну ничего, мы скоро выясним почему...

— Не надо нас пугать! — набычился Кирпонос.

— Что вы! — всплеснул руками Берия. — Даже мысли не было. Тем более у нас у самих в наркомате есть резервный план на случай падения Киева. В городе будут работать несколько групп наших товарищей, которые заминируют все важные объекты. От военных нам требуется координация и взрывчатка. Это указание Ставки.

— От нас все координировать будет старший лейтенант Соловьев, — тут же нашелся Кирпонос. — Тем более что он и сам из военинженеров. Ему, так сказать, и карты в руки.

— Знаем, знаем. И о подвигах его слышали. Боевой старлей, — покивал нарком. — Это решили, тогда надо обсудить мероприятие для жур-

налистов. У нас есть очень талантливые актеры в штате, которые сыграют роль Петра. Но их нужно ввести в курс дела, так сказать, проконсультировать. В этом и будет заключаться ваша помощь.

— Это можно, — согласился комфронта. — Оставлю вам Соловьева, он все обскажет.

— Вы как, кстати, наградили его за документы? — Берия постучал рукой по папке с бумагами. — Там же еще и крупная сумма в немецких марках была захвачена, уничтожено командование зондеркоманды.

— Я не один их уничтожил, — пришлось опять вклиниться в беседу руководства.

— Я знаю, читал рапорт. — Нарком задумался, побарабанил пальцами по столу. — Ладно, этот вопрос мы решим. Представление я сам подам вашему начальству.

— Я его начальство, — хмыкнул Кирпонос. — И Петр совсем недавно получил «Красное Знамя». Мерецков не поймет, если подряд сразу два высших ордена дать.

Я сочувственно посмотрел на Кирпоноса. Ни для кого не было секретом в Киеве, что наш комфронта конфликтует с главой Генштаба. Поэтому и не хочет подставляться.

Берия поднял трубку телефона, вызвал секретаря:

— Пётр, ты иди, поработай с нашими товарищами... — Лаврентий Павлович кивнул на дверь.

Дескать, не твоего ума дело, что тут дальше твориться будет. Понятно. Что же, поработаем.